

Г. В. Лобкова

Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКИХ НАПЕВОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Для музыкальной фольклористики 1901 год был в высшей степени знаменательным. В этот год состоялось три экспедиции, оснащенных фонографами и ставящих целью запись подлинных напевов в районах Русского Севера. Кроме поездки Е. Э. Линевой в Новгородскую губернию, в 1901 г. была осуществлена возглавляемая А. В. Марковым комплексная экспедиция (в состав которой входили музыковед А. Л. Маслов и фотограф Б. А. Богословский) в районы Белого моря (Терский и Зимний берег), а также специальный выезд А. Д. Григорьева на Пинегу, Кулой и Мезень.

Поездки А. В. Маркова и А. Д. Григорьева имели целенаправленный характер, связанный со сферой научных интересов молодых ученых: в первую очередь они записывали образцы былин и других эпических жанров. Эти поездки были хорошо подготовлены. На протяжении нескольких предшествующих лет¹ исследователи работали в тех же районах Севера, записывая лишь тексты. Выезжая в очередную экспедицию с фонографом, А. В. Марков и А. Д. Григорьев стремились зафиксировать эпические напевы, чтобы подготовить полноценное издание собранных материалов, что и было ими успешно осуществлено.

Несколько в ином положении оказалась Е. Э. Линева. Она заведомо отправлялась в экспедицию на территорию, где ранее не проводилось собирательской работы. «Многие опытные и острожные люди предостерегали меня от поездки за песнями в Новгородскую губернию, — пишет Линева, — как от рискованного предприятия, указывая на близость Новгородской губернии к Петербургу»². Во многом определяющим для нее был интерес музыканта, а точнее — руководителя хора и певицы: в первую очередь ее привлекало мелодическое богатство и ритмическое своеобразие народных песен, подлинное звучание народного многоголосия. В то же время, Е. Э. Линева проявляла интерес и к русскому музыкальному эпосу. Незадолго до новгородской поездки ею было выска-

зано замечание: «Вообще напевы былин еще ждут серьезного исследования, тем более, что есть данные, указывающие на существование в некоторых местностях нашего Севера многоголосных былин, которые, пока еще никем не записаны»³. Возможно, именно эта надежда разыскать былинные напевы прослеживается в том, что во время новгородской поездки Е. Э. Линева уделяет особое внимание мужчинам-певцам, записывает песни от мужских певческих коллективов.

Есть и прямые указания на то, что ею предпринимались попытки встретиться с нищими слепцами, хранителями эпического знания. Во вступительной статье ко второму выпуску «Великорусских песен» Линева пишет: «В Великом Устюге в праздничный день я разыскивала слепых певцов духовных стихов, расспрашивала об них многих и наконец обратилась к городовому на площади с вопросом: „У какого храма больше собирается слепцов?“. Городовой вытянулся в струнку и с самодовольством верного исполнителя приказаний начальства отрапортовал: „Их нигде не найти-с! Как только где покажется слепец, мы его тотчас увольняем-с! Смута от них. Народ скопляется!“»⁴.

По результатам экспедиции Е. Э. Линева делает неутешительный вывод: «Былины в Новгор<одской> губ<ернии> почти исчезли, кроме редких, единичных случаев. Воспоминание о героическом новгородском эпосе, насколько мне пришлось наблюдать, стерто бесследно. Остатки его унесли новгородские выходы, переселившиеся к северу»⁵.

Вместе с тем, несколько лет спустя братья Ю. М. и Б. М. Соколовы осуществляют два экспедиционных выезда сначала в Белозерский, затем в Кирилловский уезды (соответственно, в 1908 и 1909 гг.) и записывают на фонограф наряду с другими жанрами фольклора образцы былин, исторических песен, духовных стихов и старших баллад. Это позволяет им высказать мнение о том, что «раньше эпос в этой местности был развит довольно сильно, а это имеет значение для вопроса о географическом распространении былин, в частности, по отношению к Новгородской губернии, где известно всего 2–3 варианта»⁶. Соколовы указывают, что ими было записано 28 былин, однако к былинам они относят произведения разных жанров, в том числе исторические песни, старшие баллады. Кроме того, анализируя опубликованные в сборнике Соколовых образцы поэтических текстов былин и комментарии к ним, можно сделать вывод, что только четыре из них были записаны с напевами: «Микита Романовиць» в исполнении Василия Степановича Шарашова (58 лет) из д. Терехова-Малахова Мишутинской вол. Белозерского у. (ныне — Бабаевский р-н); былины «Добрыня Никитич и неудачная женитьба Алеши» и «Михайло Данилович» в исполнении Степана Васильевича Карпова (60 лет) из д. Никольской (Большое Заречье) Калитниковской вол., а также былина «Дунай» в исполнении Андрея Михайловича Ганина (64 лет) из д. Кутилово Пунемской вол. Две последние деревни располагаются недалеко от оз. Воже, на территории, ныне относящейся к Вожегодскому р-ну.

Относительно других жанров эпоса братья Соколовы отмечают, что «духовные стихи, в общем, редки»⁷; ими было записано всего 8 стихов (в этот ряд включены и поздние тексты — псалмы). «По признанию крестьян, а также уряд-

ника, в Белозерском крае были приказания преследовать пение духовных стихов»⁸, — это наблюдение Соколовых подтверждает приведенное ранее свидетельство Е. Э. Линевой и заставляет нас задуматься о судьбе эпических традиций Вологодчины.

Как известно, Ю. и Б. Соколовы предполагали выпустить записанные посредством фонографа напевы отдельным изданием, однако это намерение не было осуществлено. Неизвестна судьба самих валиков с экспедиционными материалами.

Таким образом, если иметь в виду современную территорию Вологодской области, то мы располагаем единственной опубликованной записью напева былины⁹ — это напев в слуховой записи композитора С. М. Ляпунова, выполненной в 1893 г. от крестьянина Александра Ивановича Безвытного (67 лет) в слободе Раменской Бережно-Слободской вол. Тотемского у. (Прил., № 1) во время экспедиции, организованной Песенной Комиссией РГО. В состав экспедиции входил также известный исследователь и собиратель народных песен, автор ряда сборников, филолог Ф. М. Истомин. Можно считать, что именно эта экспедиция положила начало научному изучению музыкального фольклора Вологодской области¹¹.

Как сообщает Ф. М. Истомин, на всей обследованной в 1893 г. экспедицией РГО территории, охватывающей Вологодский, Тотемский, Сольвычегодский, Великоустюгский, Никольский уезды Вологодской губернии и прилегающие уезды Вятской и Костромской губерний, проводился опрос о бытовании былин, но, «при всей тщательности розысков», удалось сделать только одну запись. Оценка былины авторами записи оказывается неоднозначной. Во введении к сборнику Ф. М. Истомин отмечает: «Весьма интересная по новизне своего содержания, былина эта, повествующая о борьбе Ильи Муромца с царем Куркасом¹², к сожалению, не представляет, по мнению С. М. Ляпунова, большого интереса в музыкальном отношении»¹³. Искушенный в области профессионального музыкального искусства композитор не смог в полной мере оценить достоинств архаичного эпического напева. Он также не мог в то время предполагать, что его запись окажется единственным свидетельством о характере звучания и музыкальных свойствах былин Вологодчины.

Напев из слободы Раменской обладает очень своеобразной, если не сказать уникальной, формой. Это своеобразие связано с раскрепощенностью процесса повествования, не скованного какой-либо заданной структурой. Неустойчивая композиция стиха обусловлена постоянной изменчивостью слогочислительного показателя, который колеблется в широких пределах — от 6 до 17-ти слогов в строке. Столь же подвижный «мозаичный» напев складывается из кратких интонационно-ритмических ячеек (мотивов-попевок, соответствующих слову или парному словосочетанию — от 3 до 6 слогов). При этом музыкальная интонация является буквальным «слепком» интонации речевой (возможно, что и сам характер интонирования был «говорковым»). Вместе с тем, краткие интонационные зерна обладают относительной устойчивостью, что способствует конструктивной целостности напева и узнаваемости «музыкального облика» былины. В качестве формульных интонационно-ритмических единиц выступает пятислож-

ник, опирающийся на стабильную метро-ритмическую основу и воплощающий обобщенную интонацию повествовательной речи (типичная интонационная волна):

Напев старины в целом имеет сложную строфическую композицию — это специфическая форма так называемой смысловой строфы или строфы-тирады, окончание которой выделено благодаря особой протяженности заключительного звука. В других традициях Русского Севера встречаются аналогичные способы организации эпических напевов, в которых смысловая строфа также имеет развернутую нестабильную композицию, состоящую из 2 или 3-х (иногда и более) стихов, границы же строфы обозначены протяженным тоном¹⁴. Эта общность во многом обусловлена характером произнесения текста в форме напевной декламации (полупение-полуговор)¹⁵.

Наибольшей близостью к вологодскому напеву отличается напев М. Г. Антонова, записанный на Средней Мезени (см. Прил., № 2). Кроме сходства на уровне организации строфы, данный напев обнаруживает общность с вологодским напевом в связи с особой ролью пятисложного слогоритмического звена. Возникают подобные друг другу музыкально-поэтические строки, образованные по принципу сочленения двух пятисложных сегментов:

Напев М. Г. Антонова (строка 3):

Напев А. И. Безвытного (строка 5):

Однако вологодский напев оказывается более свободным и подвижным по своей структуре, нежели имеющие с ним сходство образцы. Возникает вопрос — насколько такой тип эпического повествования характерен для местных певческих традиций Вологодской области?

Необходимо иметь в виду, что поэтические тексты былины фиксировались на территории Вологодчины неоднократно. Сегодня, благодаря скрупулезной де-

тельности петербургского ученого-фольклориста Т. Г. Ивановой, собраны, систематизированы и изданы имеющиеся в архивах и публикациях образцы былин, представляющие малоизученные и зачастую неизвестные широкому общественному кругу эпические традиции Вологодской земли, а также Приладожья, Шенкурско-Важского края, Северной Двины, Перми и Вятки¹⁶.

Т. Г. Иванова отмечает богатство некогда бытующих на территории Вологодского края былинных традиций: «...местный эпический репертуар поражает своим разнообразием. Здесь зарегистрировано 18 былинных сюжетов (в 21 тексте) — чуть меньше одной трети всех известных былинных сюжетов»¹⁷. Это позволяет ей сделать вывод о том, что «когда-то Вологодский край был, по видимому, таким же мощным очагом былинной традиции, как Заонежье или архангельские реки Пинега, Кулой, Мезень, Печора. Однако на Вологодчине, по всей вероятности, процессы угасания былинной традиции начались гораздо раньше, чем в соседних северных районах. Собиратели здесь застали уже лишь остатки былинного знания»¹⁸.

На протяжении последних двух веков на территории современной Вологодской области и бывшей Вологодской губернии собирателями фольклора и простыми любителями старины были записаны тексты былин в Вытегорском, Белозерском, Кирилловском уездах, Коношевском крае, Вельском уезде, в Кадниковском и Тотемском уездах, а также в районах Великого Устюга, Сольвычегодска и Лальска. Можно заметить, что распространение былин имело очаговый характер и, в то же время, в результате оказывается охваченной вся северная часть Вологодской земли: граница с Обонежьем (Вытегорский у.), северо-западная зона (Белозерский у. — ныне территория Бабаевского р-на), северные районы (оз. Воже, Коноша, Вельск), центральная зона (Кадников), Присухонье (Тотемский у. — ныне Тарногский р-н), а также северо-восточная зона (Великий Устюг, Сольвычегодск, Лальск).

Привлечение архивных экспедиционных материалов Санкт-Петербургской консерватории и Вологодского педагогического университета позволяет поновому осветить вопрос о специфике эпических напевов Вологодской области. В ходе экспедиций, проводившихся в различные районы Вологодской области с 1967 по 2000 гг., уже не удалось зафиксировать образцов былин, однако были сделаны записи других жанров эпоса: духовных стихов, старших баллад, небылиц. Кроме того, в Белозерье, а также в Вожегодском, Бабаевском, Вытегорском районах напевы причитаний по своему стилю оказываются близки образцам эпических напевов, но проблема соотношения форм плачового и эпического повествования требует отдельного исследования и остается за рамками данного очерка.

Экспедиционные записи напевов духовных стихов и баллад немногочисленны. Весьма показателен тот факт, что географически точки фиксации этих напевов нередко совпадают с теми центрами, где некогда записывались былины. Приведем сводные сведения о записи духовных стихов и баллад фольклорными экспедициями СПб Консерватории и Фольклорно-этнографического центра Минкультуры РФ в северо-западной части Вологодской области:

Район	Духовные стихи	Баллады с эпическими напевами
Вытегорский	«Лазарь» «Сон Богородицы» «Были мы в городе Вифлиеме» (Рождество Христово)	«Девять братьев-разбойников и сестра» «Муж жену губил»
Бабаевский (совместно с ВГПУ)	«Лазарь» (фр. текста) «Сон Богородицы» «Вдовушка милосердна» (младенец в печи остается невредим) «Потрясется мать сыра земля» (страшный суд)	«Сын Михайло» «Муж-разбойник убивает брата жены»
Череповецкий	«Как душа с телом расставалася»	
Кирилловский		«Девять братьев-разбойников и сестра»
Вашкинский	«Алексей — человек Божий» (в пересказе)	«Девять братьев-разбойников и сестра»
Вожегодский	«Сон Богородицы» «Сходила Божья Мать» (Богородица и честные девы) «Летят-летят два ангела» (душа «спасёная» и душа грешная) «Согрешила душа грешная» («грешные души»)	«Девять братьев-разбойников и сестра»

На территории северо-запада области отчетливо выделяются три центра распространения эпических жанров: Вытегорский, Бабаевский, Вожегодский.

В Вытегорском районе, располагающемся в непосредственной близости к Заонежью и Пудожью, в 1967 г. был зафиксирован лишь один сюжет духовного стиха («Лазарь»), а также записаны баллады с эпическими напевами (сюжеты «Девять братьев-разбойников и сестра», «Муж жену губил»). В экспедиции 1993 г. этот список был дополнен еще двумя сюжетами духовных стихов. Кроме того, была собрана информация о характере их бытования. По воспоминаниям исполнителей, в Вытегорском районе духовные стихи исполнялись на «бисёдах» старухами, «матерями» (о стихе «Сон Богородицы» — д. Антоновская, ФЭЦ: 3362-14). Строгую приуроченность к святочному периоду имел духовный стих «Были мы в городе Вифлиеме», который исполнялся в любой день на святках, обычно — в третий день Рождества (п. Девятины, ФЭЦ: 3384-25).

Важное значение имеют записи напевов, осуществленные в 1967 г., поскольку в то время удалось зафиксировать полноценные образцы, обнаруживающие очевидное стилевое родство с заонежскими и пудожскими эпическими традициями (см. Прил., №№ 3—5). Так, например, в этих напевах прослеживаются те же принципы организации: они характеризуются «упорядоченностью слогоритмических, временных и композиционных параметров» (за исключением некоторых «агогических отклонений»), что свойственно «нарративным напевам коллективной традиции»¹⁹. В основе приведенных вариантов балладного напева (Прил., № 4, 5) лежит типичная для Обонежья (и шире — всего Олонецкого края) развитая в ладо-интонационном отношении двустиховая музы-

кально-поэтическая строфа, опирающаяся на стабильный десятисложный слогоритмический период (который состоит из двух устойчивых пятисложных сегментов)²⁰.

См. Прил., № 4:

Как у мо - рьюш - ка мо - ря - си - не - го

См. Прил., № 5:

По край мо - рюш - ка по край си - не - го

По наблюдениям А. Ю. Кастрова, в Обонежье с вариантами данного типового напева кроме балладных исполнялись: былинный текст («Алеша Попович и сестра Петровицей»), тексты духовных стихов («Голубиная книга», «Мучения Егория», «Егорий и Змей»), а также небылица («Старина сказать»)²¹.

При сопоставлении приведенных образцов из Вытегорского района с напевом былины из слободы Раменской приходится признать, что эти напевы обладают лишь отдаленным сходством на уровне общего характера интонирования — форма напевной декламации (хотя в вытегорских напевах в большей степени проявляется мелодическое начало), а также в связи с особой значимостью пятисложного сегмента в структуре напева (при этом в былинном напеве А. И. Безвытного пятисложник имеет другую ритмическую конфигурацию).

Большой удачей в проводимой экспедиционной работе была запись в Бабаевском районе эпического напева, с которым исполнялись тексты старшей баллады «Сын Михайло» («Князь Михайло») и духовного стиха «Сон Богородицы». Важно, что запись баллады была осуществлена дважды с перерывом в 15 лет в д. Панкратово (1968) и д. Вирино (1983), при этом все характеристики напева устойчиво повторились (см. Прил., №№ 6, 7). Однако данный напев определенно связан именно с указанными двумя сюжетами (так же, как и с напевом «Лазаря», как правило, не исполняется других текстов). Он имеет устойчивую во всех отношениях одностиховую композицию и самостоятельную, своеобразную восьмисложную слогоритмическую основу, в которой типичное для эпических напевов дактилическое окончание заменено на хореическое:

Как по - е - хал сын Ми - хай - ло

Таким образом, весьма проблематично искать связи между данным напевом и напевами былин. Общим является лишь сам характер повествовательной речи.

В связи с приуроченностью данного напева, в ходе экспедиции 1983 г. была зафиксирована следующая важная информация: исполнение баллады и духовного стиха, по рассказам Лукичевой Татьяны Федоровны (80 лет), было связано с обходом дворов ряжеными в святки или «против Рождества». При окончании баллады исполнительница произнесла приговор с просительной интонацией: «*Чайку да, сахарку да... Хлебца кусочик*», — эта просьба об одаривании была составной частью происходящего действия. Возможно, после баллады ряжеными пропевалась колядка, запись которой была выполнена от той же исполнительницы (д. Вирино, ФЭЦ: 1434-37).

Традиция обхода дворов ряжеными с пением духовных стихов и баллад в данном случае связана с тем, что ранее эпические жанры исполнялись нищими, старцами, слепцами, обходившими всю деревню с целью сбора подаяния. На это указывает Ф. М. Истомин: «Из 2 наших певцов и 3 певец [исполнителей духовных стихов] только 2 певичы были зрячие, из них одна сопровождала слепого мужа, остальные — слепцы или темные, как они себя называют»²².

На территории Вашкинского и Вожегодского районов были записаны свидетельства о пении баллад и духовных стихов нищими и встретилось само наименование «калика» или «калёка подоконная». Так, например, об исполнении баллады «Жило у батюшки девять сынков» вспоминает Ганичева Улита Васильевна (76 лет): «*Какой ле калёка по миру ходит дак, сёдет да: „Можно писья спить?“ — штобы дали перога либо кусочек хлеба хорошево. <...> До войны, до царской войны было это дело, я ещё маленькая была. Годов уж семьдесят-то [назад] всяко было...*» (Ваш., Никоново, ФЭЦ: 875-42).

Для сопоставления представим три различных в стилевом отношении образца эпических напевов из Вашкинского и Вожегодского районов, которые позволяют раскрыть разнообразие местных традиций.

Одностиховой напев духовного стиха с сюжетом «грешные души» (Прил., № 8), записанный в д. Гришинской Вожегодского р-на, отличается упрощенностью интонационно-ритмического контура. В напеве ярко выражено плачевно-просительное начало, что, возможно, обусловлено традицией исполнения стиха нищими: «*Это вот калики раньше пили*», — указывает исполнительница стиха Лариса Виссарионовна Романова, 1903 г. р.

Тем же объясняется, на наш взгляд, своеобразный сплав молитвенной просодии и традиционной сказительской интонации, который проявляется в напеве стиха «Сон Богородицы» из д. Сосновица Вожегодского р-на (Прил., № 9).

Наконец, к собственно эпическим следует отнести напев, с вариантами которого в Вашкинском районе исполняется текст баллады «9 братьев разбойников и сестра». Приведенный одностиховой напев (Прил., № 10) стабильной структуры, записанный от Грибовой Анны Федоровны из д. Тимошино Вашкинского р-на, опирается на слогоритмический период, в котором трехакцентные одиннадцати- и тринадцатисложные модели накладываются, оказываясь изоморфными друг другу:

Бы - ло де - вять сы - нов, де - вять со - ко - лов
 Иш - шо от - дал ми - ня ба - тью - шка по край мо - ря

Особенно важной является десятисложная модификация данного слогоритмического периода, которая выступает в качестве архетипической модели ритма распетого стиха. На этом уровне — уровне стержневой структурной первоосновы — обнаруживает свое организующее значение пятисложный сегмент с выделенным долгой третью слогом:

Што по край мо - ря по край си - нё - во

Данный напев и в структурном, и в стилевом отношении оказывается близок образцам типовых эпических напевов, с которыми исполняются былины в районах Белого моря, Мезени, Кулоя и Печоры. Возникает вопрос: может быть братья Соколовы слышали подобные напевы, когда записывали былины на озере Воже в Пунемской и Калитниковской волостях? Приблизиться к решению этого вопроса позволяет анализ структуры поэтического текста былин.

Представленная выше слогоритмическая модель вашкинской баллады «9 братьев-разбойников» оказывается настолько универсальной, что на ее основу естественно «ложится» на первый взгляд очень подвижный по стиховой структуре текст былины «Дунай», записанный Соколовыми от А. М. Ганина из д. Кутилово Пунемской вол. Как отмечают собиратели, «пропев несколько, он ее дальше говорил речитативом»²³, что сразу же сказалось на организации стиха (возможно, что переход на речитатив произошел уже на 7-й строке). Реконструкция подтекстовки начальных строк, с учетом того, что вашкинский напев стабилен в музыкально-временном отношении, может быть проведена по следующей модели:

Во слав - ном - то во го - ро - де во Ки - е - ве
 У слав - но - во кня - зя у Вла - ди - мё - ра
 За - во - ди - лось пи - ро - вань - и - цё по - чест - ной пир
 На всё по - ле - ни - ци, бо - га - ты - ри,
 На мно - ги - е кня - зья да на бо - я - ра,
 На силь - ны - е, мо - гу - ци - е бо - га - ты - ри.

Так же раскладываются на данный напев и фрагмент текста «Илья Муромец», записанный от А. М. Ганина «в стихах», и тексты былин «Добрыня Никитич и неудачная женитьба Алеши» и «Михайло Данилович», записанные от второго сказителя — С. В. Карпова из д. Никольской (Большое Заречье) Калитниковской вол.

Конечно, в данном случае нельзя делать однозначных выводов, однако можно предположить, что напевы А. М. Ганина и С. В. Карпова имели структуру, близкую балладному напеву, записанному фольклорными экспедициями Санкт-Петербургской консерватории в Вашкинском районе.

Вернемся к вопросу, поставленному в начале статьи: насколько же характерна для традиций Вологодской области тирадная форма эпического повествования, характеризующая напев А. И. Безвытного из Тарногского района?

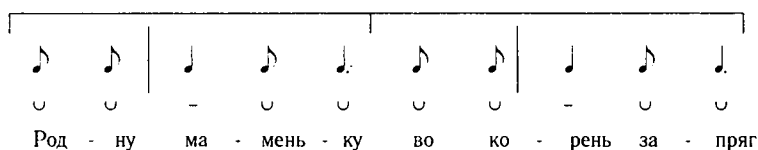
На территории Средней Сухоны звукозаписи духовных стихов очень немногочисленны и большинство из них выполнено именно в Тарногском районе — это духовные стихи «Вознесение Христово», «Страшный суд (грешные души)», «Как душа с телом расставалась», «Алексей, Божий человек», «Лазарь»²⁴. Сопоставление различных напевов позволяет утверждать, что в данной традиции преобладает сказительская манера исполнения духовных стихов, при этом используются как стабильные в композиционном отношении, нередко мелодизированные типовые напевы, так и «мозаичные» напевы, имеющие форму строфы-тирады. Приведем примеры, которые обнаруживают общность с напевом былины «Илья Муромец и Царь Куркас».

Одним из убедительных доказательств того, что строфа тирадного типа бытовала на Средней Сухоне, явилась запись духовного стиха «Алексей, человек Божий», осуществленная в д. Черняково Маркушевского с/с Тарногского р-на в 1975 г. (см. Прил., № 11). Спустя 11 лет запись от той же исполнительницы (Вячеславовой Натальи Арсентьевны, 1911 г. р., род. из д. Милогорской) была осуществлена повторно экспедицией Вологодского педагогического университета (см. Прил., № 12). При сравнении этих двух записей обнаруживается, что, несмотря на кажущуюся неустойчивость и импровизационность исполнения, напев духовного стиха обладает рядом закономерностей, которые способствуют его сохранности (так же, как и в напеве А. И. Безвытного, в качестве стабильных элементов выступают краткие интонационно-ритмические образования — попевки).

Кроме сходства общих принципов формообразования отметим также общность интонационного строя напевов духовного стиха «Алексей, человек Божий» и былины «Илья Муромец и Царь Куркас» — в обоих случаях преобладающее значение имеет интонационная волна, обращенная от верхнего (квартового) к нижнему основному опорному тону.

Наибольшее родство с былинным напевом из слободы Раменской обнаруживает эпический напев из Бабушкинского района, с которым исполняются тексты небылицы («Что во городе-то было во Саратове выезжал пахать да сын на матери») и двух баллад («Вдова и 9 сынов», «Жена мужа зарезала»). Этот напев записан в 1970 г. в ходе фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской

(Ленинградской) консерватории в д. Шилово Кулибаровского с/с от Актеньевой Таисии Максимовны. В первую очередь, сходство с напевом былины проявляется в связи с особой ролью пятисложного интонационно-ритмического оборота, который лежит в основе напева из Бабушкинского района. Представляется весьма показательным тот факт, что, обладая устойчивыми типологическими свойствами, данный напев, вместе с тем, способен видоизменяться. С текстом небылицы он звучит более протяженно (удлиняется последний слог в пятисложном сегменте) и имеет стабильную композицию — двустиховая музыкально-поэтическая строфа (Прил., № 13) с десятисложным слогоритмическим периодом (состоящим из двух пятисложников):

Когда же Т. М. Актеньева исполняет текст баллады (Прил., № 14), в большей мере раскрывается сказительская основа напева — подвижными оказываются и интонационно-ритмический строй, музыкально-временная протяженность строки напева и композиция строфы, которая нередко сокращается до 3-х пятисложных звеньев и сближается с тирадной структурой (см. сокращенные строфы — 7, 9, 13).

Таким образом, эпические напевы, зафиксированные фольклорными экспедициями 1970—80-х гг. на территории Средней Сухоны, свидетельствуют о сохранности в местных традициях сказительского стиля музыкального повествования, закономерности которого были запечатлены около 100 лет назад в напеве былины «Илья Муромец и царь Куркас».

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть общее структурно-стилевое свойство эпических напевов, которое прослеживается в разных локальных традициях Вологодчины. В большинстве напевов особое формообразующее значение имеют устойчивые пятисложные звенья различной ритмической конфигурации, выступающее в качестве основы единиц музыкальной речи — попевок. Наряду с тарногским былинным напевом (Прил., № 1), это свойство проявляется в вытегорских напевах (Прил., №№ 4, 5), вашкинском напеве (Прил., № 10), бабушкинских напевах (Прил., №№ 13, 14). Этот признак оказывается одним из основных, позволяющих судить о целостности эпических традиций Вологодской области. В то же время, данное свойство указывает на связи эпических напевов Вологодской области как с прилегающими традициями Олонецкого края, так и с отдаленными территориями — например, с традициями Псковской и Смоленской областей, где зафиксированы образцы духовных, поминальных стихов, баллад со сходной структурой напева.

1. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРЬ КУРКАС
(былина)

Слобода Раменская Бережно-Слободской вол.
Тотемского у., 1893 г.

$\text{♩} = 166$

1. Иль - я Му - ро - мец да сын И - ва - но - виць

2. Он по - е - хал в цис - то по - ле

3. Лес - ни - ця - ти да паль - ни - ця - ти.

4. Подъ - ез - жа - ет Иль - я Му - ро - мец да сын И - ва - но - виць

5. Ко сы - ру ду - бу да дуб - ров - но - му.

Илья Муромец да сын Ивановиць
Он поехал в цистó поле
Лесницяти да пальницяти.
Подъезжает Илья Муромец да сын Ивановиць
Ко сырú дубу да дубровому.
На этом на сыром дубе
Сидит предивная птица,
Предивная птица черной ворон.
Воспроговóрит да черной ворон:
Илья Муромец да сын Ивановиць,
На тя беда немалая:
Стоит в поли сила поганая.
Осердився Илья Муромец да сын Ивановиць
Да на черново на ворона.
Натягает каленú стрелу,
Опускает Илья Муромец в черна ворона:
Росщепал он сырой серой дуб
На ножовое церевьице;
Черна ворона не могли найти.
Сел Илья Муромец да сын Ивановиць

Да на добра коня,
Поехал он в цистó поле
Лесницяти да пальницяти.
Воспрогóворил да ворóной конь:
На тебя беда немалая:
Стоит в поли сила поганая,
Копают три перéкопи
Да три глубокия, да три широкия,
Ставят копье немецкое,
Да богатырское да цáря Куркаса.
Осердивсе Илья Муромец да сын Ивановиць
Да на добра коня.
Поехал он в цистó поле
Лесницяти да пальницяти.
У ево перéкопъ конь перескоцив
И другую перенес,
В третью конь и зáскоцив
И заколовсе тут.
Схватили Илью Муромца сына Ивановиця,
Налóжили на Илью Муромца
На белыя руцьки трои петельки,
Трои петельки да шелкóвья,
На резвья ножки трои зéлезы,
Трои зéлезы немецкия,
Немецкия да царя Куркаса,
Повели же Илью Муромца да сына Ивановиця
Да ко цáрю Куркасу.
Приводят Илью Муромца
Да ко цáрю Куркасу.
Выходит царь Куркас
На высок балхон.
Воспрогóворит ему царь Куркас:
Послужи-ко мне, Илья Муромец да сын Ивановиць,
Послужи-ко мне верой, правдой,
Потопи-ко мне, Илья Муромец,
Да бани пáружи.
Воспрогóворит Илья Муромец да сын Ивановиць:
Ах кабы у меня теперь
Востра сабелька богатырская,
Снес бы буйну голову
Да по плечь тебе!
Взял же Илью Муромца да сына Ивановиця
Царь Куркас да на буян-поле,
Закопал ево во сыру землю
Да по плечь ево,
Да проколотил ему буйну голову
Да видь до мозгу.
Тряхнулся тут Илья Муромец сын Ивановиць.

Слетѣли с рук да трои петельки,
Трои петельки да шелкóвыя,
Слетели с ног зелезы немецкия,
Немецкия да царя Куркаса.
И бился Илья Муромец да сын Ивановиць
Бился день до вецера,
Добился Илья Муромец
До вострой сабельки богатырския.
И бился Илья Муромец сын Ивановиць
Бился день до вецера.
Добился Илья Муромец
Да до царя Куркаса.
Повел Илья Муромец сын Ивановиць
Царя Куркаса на буян-поле,
Закопал же Илья Муромец
Во сыру землю да по плечь ево,
Проколотил ему буйну голову
Да видь до мозгу.
Говорил же он царю Куркасу:
Будь же ты, царь Куркас,
Серым волкám на съидение,
Черным воронам на пограёньице.

Исп. Александр Иванович Безвытной, 67 лет (Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Зап. Ф. М. Истомина, С. М. Ляпунова. СПб., 1899. С. 39—41. № 1).

2. ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЫИ МУРОМЦА (былина)

д. Усть-Низема Лешуконского р-на
(Средняя Мезень), 1928 г.

$\text{♩} = 112$

1. Е - хал стар по пис - ту по - лю,

2. По то - му роз - доль - ю ши - ро - ко - му.

3. Го - ло - ва бе - ла, бо - ро - да се - ла,

4. По бе - лым гру - дям рос - сти - ла - ет - си,

5. Как ска - тен жем - цюг рос - сы - па - ет - си.

6. Да под ста - рым конь на - у - бел бе - лой,

7. Да ведь хвост и крив' на - у - це́р це́р - на.

Исп. М. Г. Антонов, 59 лет. Зап. Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, А. М. Астахова (Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. № 208. № 36). Тактировка изменена. Приводится фрагмент расшифровки.

3. ЛАЗАРЬ
(духовный стих)

д. Верховье (Мегра) Вытегорского р-на,
ФЭЦ: 143-05

Жи - ло два бра - та, два Ла - за - ря,
О - дин(ы)брат бо - га - той, дру - го - й(и) у - бо - гой.
Стал брат бо - га - то - й(и) пи - р(ы) пи - ро - вать,
Пир пи - ро - ва - т(и), стал го - сте - й(и) со - бе - рать.
По - шёл брат у - бо - гой к бо - га - то - му:
Бра - тец ты...

Жило два брата, два Лазаря,
Один(ы) брат богатой, другой(и) убогой.
Стал брат богатой(и) пир(ы) пировать,
Пир пироват(и), стал гостей(и) собирать.
Пошёл брат убогой к богатому:
Братец ты...*¹⁾

Исп. Ганёва Евдокия Федоровна, 1901 г. р. Зап. 02.07.67. Расш. Булкин С. В. Оконч. текста в экспедиционных дневниках отсутствует. Напев транспонирован на 2,5 тона вверх.

¹⁾ Здесь и далее звездочкой (*) обозначен конец фонограммы.

4. ПО КРАЙ МОРЮШКА (баллада)

д. Верховье (Мегра) Вытегорского р-на,
ФЭЦ: 143-06а

Музыкальный текст песни «По край морюшка» в нотной записи. Темп обозначен как ♩ = 160. Музыка написана в тональности G-мажор (два диэза) и ритме 2/4. Текст песни:

По к(ы)-рай мо-рю-шка, по край си-не-го, там жи-ла-бы-ла мо-ло-да вдо-ва.
У е-тáй вдо-вы бы-ло де-вять сын-ков, да де-вять сын-ков, я-ди-на-я дочь.
Де-вять сын-ков по роз-бой по-шли, по роз-бой по-шли, по роз-бой-ни-чки.
Е-ди-ну-ю дочь за-муж вы-да-ла, за-муж вы...

По к(ы)рай морюшка, по край синего
Там жила-была молода вдова.

У етáй вдовы было девять сынков,
Да девять сынков, ядинáя дочь.

Девять сынков по розбой пошли,
По розбой пошли пошли по розбойнички.

Единую дочь замуж выдала,
Замуж вы...*

Замуж выдали за синё морé
за моревина.

Один год жила, не стоскнулася,
Второй год [не] сгоревалася,
На третий год сына родила.
Тут едина дочь сгоревалася,
На третий день подавалася ¹⁾.
Ты спустись-спустись, любима семья,
Ты поедем-поедем к свекровь-свекровушке,

¹⁾ Против этой строки стоит указание «2 р», т. е. она была повторена.

Ты поедem-ко, мило[й] друж[ок],
сделай лодочку-трёхнабoечку.
Сели в лодочку и поехали.
День-то ехали, не едаючи,
Другой ехали, не пиваючи.
Третий день крута бережка,
Кашу вáрили, дитя кормили.
Вдруг да с раеки [?]
Не дымок махнёт, огонёк блеснет,
Тут выходят да е [девять] сынков,
[Девять] сынков, с разбойничков.
Молода мужа призарезали,
Мала юноша в воду бросили,
Молоду жену за собой вели,
во полон брали.
А [восемь] сынков да легли-то спать,
А девятый сын богу молится,
Богу молится да всё выпрашивает:
– Ты скажи, скажи, молода жена,
Ты с какой орды да с какой роды?
Ты какого отца, какой матери?
Стала она [ему рассказывать:]
– По край морюшка, по край синего
Там жила-была молода вдова.
У этой вдовы было [девять] сынков,
[Девять] сынков, единая дочь.
– Вы вставайте-ко, братцы родимые,
[Вы вставайте-ко, братцы] любимые,
Что же мы дела не разведали!
Что же мы дела наделали!
Молода зятя прирезали,
Мала племяша в воду бросили,
Молоду сестру за собой вели,
За собой вели, во полон брали.

Исп. Ганёва Евдокия Фёдоровна, 1901 г. р. Зап. 02.07.67. Расш. Булкин С. В. Оконч. текста приводится по рукописи (ФЭЦ, РФ 363, № 10); при этом расставлены знаки препинания, недостающие слова выделены квадратными скобками. Напев транскрипирован на 1,5 тона вверх.

5. КАК У МОРЮШКА
(баллада)

д. Гневышево Вытегорского р-на,
ФЭЦ: 145-05

$\text{♩} = 112$

Как у мо - рью - шка, мо - ря си - не - го,
У О - не - жи - н(и) - ка, да у шум - ли - во - го.
Та - м(ы) жи - ла - бы - ла мо - ло - да вдо - ва,
Жи - ла О - фи - м(ы) - ю - - - шка.
Мо - ло - да вдо - ва жи - ла О - фи - м(ы) - ю - шка,
Как О - фи - м(ы) - ю - шка, да А - ле - кса - н(ы) - дро - в(ы) - на.
Што у той вдо - вы, у О - фи - м(ы) - ю - шки
Как де - вять сы - н(ы) - ков, а я - ди - на - я дочь.
Ка - к(ы) де - вять сы - н(ы) - ков, я - ди - на - я дочь...

Как у морюшка, моря синего,
У Онежин(и)ка, да у шумливого.

Там(ы) жила-была молода вдова,
Жила Офим(ы)юшка.

Молода вдова жила Офим(ы)юшка,
Как Офим(ы)юшка да Алексан(ы)дров(ы)на.

Што у той вдовы у Офим(ы)юшки
Как девять сын(ы)ков, а яд(и)ная дочь.

Как(ы) девять сын(ы)ков, яд(и)ная дочь...*
Все девять сынков да все в разбой пошли,

Единую дочь да замуж выдала,
Ой, за мхи, за мхи да за болотинки,
За маленьки да за источенки.
Уж я год жила да не стоснуласи,
Второй жила да не спахнуласи,
А на третий годик стосковалоси,
Уж я стала звать да любима мужа
Ко родителям да в гости к матушке.
Уж мы шли-пошли путем-дороженькои,
Как попали там [девять] разбойничков,
Девять разбойничков да атаманщичков.
Как убили-то мужа любимого,
Любимого сынка в воду бросили,
А меня младу да во полон взяли,
Во полон взяли, под караул клали.
Уж как восемь-то братцев спать легли,
А девятого под караул клали.
Уж [он] сел ко мне да стал выпрашивать,
Ты с какой земли, со какой орды,
Какого отца да какой матери?
— Я от морюшка да моря синего,
От Онеженька да от шумливого,
Дочь Офимьюшки да Александровны.
Уж он стал будить братьев любимых:
— Вы вставайте-ко, братья любимые,
Мы убили-то зятка да любима зятка,
А любима сынка в воду бросили.
Они сели тут, порасплакались:
— Ты пойдем, пойдем да, любимая сестра,
Золотой казны будешь отчетчицей,
Отчетчицей да атаманщицей.
— Я не йду, не йду, братцы любимые,
Вы провадьте-ка меня ко морюшку да морю синему.
Уж мы шли, пришли в поля широкие,
В поля широкие, луга зеленые.
Уж мы сели тут и расплакались.
После нашего-то ведь бываньица
Призапущены да зелены поля,
Посушенные да сады зеленые.

Исп. Лубнева Клавдия Егоровна, 1904 г. р. Зап. 11.07.67. Расш. Булкин С. В. Оконч. текста приводится по рукописи (ФЭЦ: РФ 408, № 5, доп. — по зап. на вложенном листе). Напев транспонирован на 2,5 тона вверх. На тот же напев К. Е. Лубнева исполнила текст баллады «Я сижу, сижу у окошечка» (муж жену губил). Оба образца обозначены как «стихи». По комментариям в тетради: «*Стихи девушки не пели, на беседах не пели, пели пожилые. Были еще и песни, певшиеся только пожилыми (что-то про реченьку)*» (зап. от сестры Лубневой К. Е. — Татьяны Егоровны Пономаревой/Олькиной — см. ФЭЦ: РФ 408, № 3).

6. КАК ПОЕХАЛ СЫН МИХАЙЛО (баллада)

д. Панкратово Бабаевского р-на,
ФЭЦ: 222-12

$\text{♩} = 90$

Как по - е - хал сын Ми - ха - й(и) - ло, да
Што и на слу - жби - цу на ца - р(ы) - ску,
На во - й(и) - ну на го - су - да - р(ы) - ску, да
Е - во ма - ту - шка сря - жа - ла,
Е - во ро-д(ы) - на - я спо - до - бля - ла.

Как поехал сын Михай(и)ло, да
Што и на службицу на цар(ы)ску,
На вой(и)ну на государ(ы)ску, да
Ево матушка сряжала,
Ево род(ы)ная сподобляла*.
Он заехал в чисто поле,
Шёлкова плёта упала,
Пухова шляпа слетела:
— Ох, братцы, мене тошненько,
Или дома нездорово,
Или матушка неможет,
Или княгиня Катерина.
Повернул коня поехал,
К своему двору заехал.
Его матушка родная
Среди двора встречает.
— Что же, матушка родная,
Ты одна меня встречаешь?
Где княгиня Катерина,
Моя белая белянка,
[Моя] зрелая землянка?
— Она у тестя и у тётчи.
Повернул коня поехал,

К тѣще ко двору заехал.
 Его матушка богоданна
 Среди двора встречает:
 — Здравствуй, матушка богоданна,
 Что одна меня встречаешь?
 Где княгиня Катерина?
 — Твоя матушка родная
 Парну баенку топила,
 Горюч камень накалила,
 Ко сердцу ей привязала,
 Во Неву-реку бросала.

Исп. Кузьмина Анна Яковлевна, 1904 г. р. Зап. 13.07.68. Расш. Булкин С. В. Оконч. текста приводится по рукописи (ФЭЦ: РФ 562), при этом расставлены знаки препинания, начала строк выписаны с заглавной буквы. Напев транспонирован на 3 тона вверх.

7. КАК ПОЕХАЛ СЫН МИХАЙЛО (баллада)

д. Верино Бабаевского р-на, ФЭЦ: 1434-35

$\text{♩} = 132$

Ка - к(ы) - то по - ё - хав сын Ми - хай - ло, да
 на бо - го - грёз - ну - ю во служ - бу, да
 на - ка - за - л(ы) род - ной ма - туш - ке:
 "Бе - ре - ги мо - ю кня - гй - ну,
 што кня - гй - ну Ка - те - рй - ну".
 По - ве - р(и) - нул ко - ня, по - е - хал, да
 во ци - с(ы) - то по - лё за - ё - хав, да...

Как(ы)-то поёхав сын Михайло да
На богогрóзную во службу да
Наказáл(ы) родной мáтушке:
– Береги мою княги́ну,
Што княги́ну Катери́ну.
Повер(и)ну́л коня, поехал да
Во цис(ы)то́ по́лѣ заёхав да.
Дóброй(и) конь ему споткну́лся да
Шолковá плетка упала да.
– Давне, братцы, мне тошнѣн(и)ко,
Минѣ тошнѣнько не бывáло да.
Или матушка немóжот,
Или княги́на Катери́на.
Повер(ы)ну́л(ы) коня, поёхав да
Ко двору́ домой заёхав да.
Ево матушка встричáет да:
– Што жо ты одна встричáешь, да
Где жо княги́на Катери́на да
Моя бѣлая билин(ы)ко да?
Ево матушка родная да
Вдоль по бѣрежку ходила, да
Пáрную баен(ы)ку топíла, да
Ключевóй воды нагрѣла да.
– Ох, я, Боже, согрешíла да
Три я души спогубíла, да
Первую душу – ча́да мíлово,
Втору́ю ду́шиньку безгрѣшную, да
Трѣтью ду́шиньку посты́лую.

Исп. Лукичёва Татьяна Фёдоровна, 1903 г. р. Зап. Кулёв А. В., Совершаева Л., Петрова Е., 03.02.83 (совм. эксп. ЛГК и ВГПИ). Расш. Мехнецова К. А. На этот же напев Т. Ф. Лукичёвой исполнен текст духовного стиха «Уж ты Матушка Мария» (сон Богородицы).

8. СОГРЕШИЛА ДУША, ДУША ГРЕШНАЯ
(духовный стих)

д. Гришинская Вожегодского р-на,
ФЭЦ: 975-33

♩=144

Пёр - ва - я ду - ша со - гре - ший - ла,
мú - жа с жо - ной роз - лу - чий - ла.
А вто - ра - я ду - ша со - гре - ший - ла,
мла - дён - ця в ут - ро - бе за - ду - ший - ла.
Трё - те - я ду - ша со - гре - ший - ла,
из кваш - ний спо - ри - ну вы - ни - ма - ла.
Чет - вёр - та - я ду - ша со - гре - ший - ла,
у су - сё - да мё - жи пе - ре - жи - на - ла.

Согрешила душа, да душа грешная, да
Согрешила душа, да душа грешная.
Этим душам да нет некогда прошёньица.
Пёрвая душа согрешила —
Мúжа с жоной розлучила.
А вторая душа согрешила —
Младенця в утробе задушила.
Третья душа согрешила —
Из квашний спорину вынимала.
Четвёртая душа согрешила —
У сусёда мёжи пережинала.
Пятая душа согрешила —
У корóвушки удóй да отнимала.

Исп. Романова Лариса Виссарионовна, 1903 г. р., урожд. д. Васильевской. Зап. Захаров А. Н., 05.07.80. Расш. Мехнецова К. А. По комментариям исполнительницы, так «ка́лики пили». В стихах 1–3 напев неустойчивый.

9. МАТИ МАРИЯ
(духовный стих)

д. Сосновица Вожегодского р-на,
ФЭЦ: 975-48

$\text{♩} = 132$

Мá - ти Ма - ри - я, где ты но - щесь но - щё -
вá - лá. В гó - ро - де в Е - ру - са - лѣ - ме, у крѣст - но - во
сы - на, у Сер - гѣ - я чу - до - твóр - ця. Ка - бы
я, Ма - ти Ма - ри - я, И - сý - са Хрис - та ро -
дѣ - лá, во Ер - дáнь - е - ри - кѣ крѣс - тѣ - лá, на
крут крáс - ной бе - рег вы - но - сѣ - лá, пе - ле - ной пе - ле -
нá - лá, шол - кó - вым по - е - сóм о - ви - вá - лá.

— Мати Мария,
Где ты ночью ночевала?
— В городе в Ерусалиме,
У крестного сына,
У Сергия чудотворца.
Кабы я, Мати Мария,
Исуса Христа родила,
Во Ерданье-рикѣ крестила,
На крут красной берег выносила,
Пеленой пеленала,
Шёлковым поесом овивала,
Чуден крест наложила,
Чуден крест подзолотёной.
И на этой Ер(и)дан на рикѣ
Выросло кипаристое дерево,
И на этом кипаристове дереве
Хотя и жидовья у Исуса Христа

Руцьки-но́жки гвоздём пригвозди́ли.
 И услы́шала́ Мати́ Мариа.
 – На ково́, моё цядо, спокида́ешь?
 – Не плаць, Мать Мариа,
 Сам приду, из тебя́ душу выну,
 Снесу твою́ душу на небеса́,
 Посажу́ твою́ душу на престо́л,
 И спишу́ твою́ душу на ико́ну,
 И ста́нут твоей́ душе моли́тьцё,
 Светым мошша́м приложы́тьцё».
 Приба́вил Господи́ и убави́л Господи́
 Три муки ве́чныё.
 Хто этот стих переи́мёт,
 Тот всяк день пропоёт,
 Тому́ цярьство небе́сноё.

Исп. Лысова Александра Виссарионовна, 1911 г. р. Зап. Захаров А. Н., 05.07.80. Расш. Мехнецова К. А.

10. ИШШО БЫЛО НАС У БАТЮШКИ (баллада)

д. Тимошино (Ярбозеро) Вашкинского р-на,
ФЭЦ: 875-25

$\text{♩} = 108$

Иш-шо бы - ло нас у ба - тюш - ка, у ма - туш - ки,
 бы - ло де - веть сы - нёв, да де - веть со - ко - лов.
 Иш - шо от - дал ми - ня ба - тюш - ко по кра - й(и) мо - ря,
 што по край мо - ря, да по кра - й(и) сй - не - во.
 Иш - шо ста - ла я по - мор - шни - чка в го - сти звать...

Ишшо было нас у бaтjошка, у мaтyшки,
 Было дeвeть сынoв да дeвeть сoкoлoв.
 Ишшо oтдал миня бaтjошко по край(и) мoря,
 Штo по край мoря да по край(и) сйнeвo.
 Ишшо стaлa я пoмoршшичкa в гoсти звaть:
 – Ты пoйдeм, пoйдeм, пoмoршшичoк,
 Ишшо ты к тeстю, дa я кo бaтjошкy,
 Ишшо ты к шур(и)ям, дa я кo бaтjошкy.
 Мы пoexали дa тixим(ы) бeрeжкoм,
 (А) нaм пoпaли, пoпaли рoзбoй(и)нички.
 Ишшо мйлoвo плeмянничкa в мoрe спyстили,
 Ишшо зятя мйлoвo дa в мoрe спyстили,
 А сестрiцy-горjушицy с сoбoй(и) взяли.
 Стaли спрaшивaть, дa стaли выпытывaть:
 – [Ты] чeвo рoдy, дa чeвo плeмeн(и)ю?
 (Она и стaлa гoвoрить:)
 – Ишшо было нас у бaтjошка, у мaтyшки,
 Было дeвeть сынoв, дa дeвeть сoкoлoв.
 – Вот встaвaйтe, встaвaйтe, брaтцы мылe,
 Мы убили, убили зятя мйлoвo,
 А плeмянничкa дa в мoрe спyстили,
 А сестрiцy-горjушицy с сoбoй(и) взяли.
 Уж кaк все-тo рoзбoйнички дa пoрoсплaкaлись,
 Нa oтцa, нa мaть дa пoрoзгнeвaлись.

Исп. Грибова Анна Федоровна, 1908 г. р., урожд. д. Индоманова. Зап. Кастров А. Ю.,
 12.07.79. Расш. Мехнецова К. А. Комментарии исполнительницы: «*Это у нас вот (ы),
 где я родилась, там-от свой дак — тут баушка пела у нас, баушка пела. Уж ей
 теперь наверно годов сто писят. Вот она всё нам маленьким и пела, и я
 запомнила*».

11. АЛЕКСЕЙ, ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
(духовный стих)

д. Черняково Тарногского р-на,
ФЭЦ: 529-08

$\text{♩} = 108$

Ты дай мне-ка, Гос - по-ди, сы-на, не то доч - ку,
При ста - рос-ти толет на по - те - шé - ньé.
Е - му дал то ве-т(и) Гос - по-ди сы-на О-лек-си - я,
Он две-на[д] - цеть ту го - ди-ков у - чй - в(ы)-се.
Мне ка на - да сы - на по - жé - нй - ти
на кня - зя - нй - де на Ка - те - ри - не.
О - лек - сий, ты це - ло-вь - цей Бо - жей,
по - це - му невос - ку - ша - ёшь,
Ку - ро - нось - ка - я це - ре-в(ы)на дане по мы-с(и)-лям,
да не по сэ - р(и)-шо.

Исп. Вячеслава Наталья Арсентьевна, 1911 г. р., урожд. д. Милогорская. Зап. Марченко Ю. И., 20.06.75. Расш. Лобкова Г. В. По словам исполнительницы, она запомнила напев духовного стиха от старушки Афанасьи, которая умерла около 50 лет назад.

12. АЛЕКСЕЙ, ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
(духовный стих)

д. Черняково Тарногского р-на (фрагм.),
ЛНМТ: ЭАФ, 283-10

$\text{♩} = 120$

...Ку - ро - нось - ка - я ця - рев - на да не по мыс - лям,
да не по се - р(и)-цю.
У - щ(и) ты к(ы) - ня - зя да Е - фимь - я - зя.
што у - шёл же О - лек - сий - от
су мо - ря в ма - нас - тырь,
Гос - по - ду Бо - гу мо - лить - це.

— Господи, Господи, дай-ко мне, Господи,
сына не то дочку
При старости-то лет на погребеньё,
При младости-то лет на потешеньё.
Дал же Господи сына Алексія.
Он семнадцать годиков учивсе.
Надо сына поженіти на князеніде на Катерине.
— Олексій ты, целовіцей Бóжей,
поцему не воскушазшь?
— Куроноськая цярвна не по мыслям
да не по серыцю.
Уж ты князя да Ефимьязя,
Сведи-ко меня спати
Да на пуховую перину отдыхати.
Князіна да Катерина,
Ты снемі с меня шёлков-от пояс
да и зланцён-от перыстень.
Я пойду же су моря в манастырь
Гóсподу Бóгу молїтьце.

13. ЧТО ВО ГОРОДЕ БЫЛО ВО САРАТОВЕ
(небылица)

д. Шилово Бабушкинского р-на,
ФЭЦ: 292-23

$\text{♩} = 204$

Да вы-ез-жал па-хать да сын на ма-те-ре,
А род-ну ма-мень-ку да во ко-рень за-п-ряг.
А род-ну ма-мень-ку да во ко-рень за-п-ряг,
А мо-ло-ду же-ну да во при-стя-жень-ки.
А мо-ло-ду же-ну да во при-стя-жень-ки.
Он род-ну ма-мень-ку, дак он вит-нём хлес-нул.
Дак род-ну ма-мень-ку, дак он вит-нём хлес-нул,
А мо-ло-ду же-ну, дак он свист-ком свис-нул.
А род-на ма-мень-ка да спо-тык-ну-ла-сё,
Да мо-ло-да же-на да рос-смех-ну-ла-сё.

Исп. Аксентьева Таисия Максимовна, 1896 г. р. Зап. Нетребко О., Фролова С., Наймарк,
04.07.70. Расш. Лобкова Г. В.

14. ШТО У ГОРОДЕ БЫЛО ДА В КИЕВЕ
(баллада)

д. Шилово Бабушкинского р-на,
ФЭЦ: 292-21

$\text{♩} = 240$

1. Што у го - ро - ди бы - ло да в Ки - е - ве]
...А тут жи - ла - бы - ла мо - ло - да вдо - ва.

2. У е - ё бы - ло де - вётъ сы - нов,
Да шо де - ся - та - я до - чи ми - ла - я.

3. Бы - ли три сы - на во ца - ре - ви - че,
Бы - ли три сы - на в ко - ро - ле - ви - че.

4. Да бы - ли три сы - на в ко - ро - ле - ви - че,
Да бы - ли три сы - на во роз - бой - нич - ках.

5. А шо од - на до - чи ми - ла - я,
Да о - на вы - да - на за мо - ря - ни - на.

6. Да о - на год жи - вёт, о - на два жи - вёт,
О - на на трётъ - ей - от год со - скуш - ни - лась.

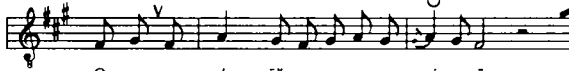
7. О - на на трётъ - ей - от год со - скуш - ни - лась,

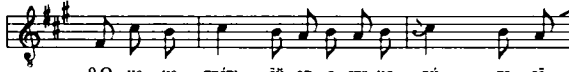
О - на по - шла в гос - ти к ма - те - ре.

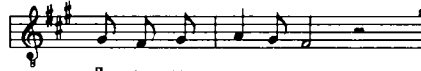
8. Да о - на день и - дёт, о - на два и - дёт,

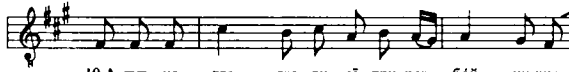
О - на на трёт - ёй - от о - ста - но - ви - ла - сё.

9. О - на на трёт - ёй - от о - ста - но - ви - ла - сё,

Да ка - шу ва - ри - ла.

10. А тут не - где взе - ли сё три роз - бой - ни - чка,

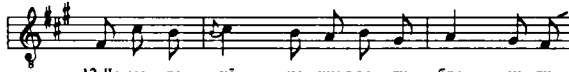
О - не мо - ря - ни - на - то за - ре - за - ли.

11. О - не мо - ря - ни - на - то за - ре - за - ли,

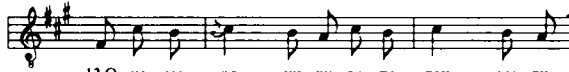
Мо - ре - нё - но - чка в во - ду бро - си - ли.

12. Да мо - ре - нё - но - чка в во - ду бро - си - ли,

О - не мо - ря - ни - ху во по - лон взе - ли.

13. О - не мо - ря - ни - ху во по - лон взе - ли,

Да спать ло - жи - ли - сё.

14. А двó - ё спать лег - ли, да трёт - ёй спра - ши - вал:

«Ты ку - да и - дёшь, про - би - ра - ешь сё?»

15. «А я от - толь - н - ду в гос - ти ма - те - ре».

«Да вы вста - вай - те - ко, бра - тья род - ны - ё.

16. А вы вста - вай - те - ко, бра - тья род - ны - ё,

Да шо не - лад - но с вам всль на - де - ла - ли.

17. А мы не - лад - но с вам ведь на - де - ла - ли,

Да зя - тя род - но - ва мы за - ре - за - ли.

18. Да зя - тя род - но - ва мы за - ре - за - ли,

Да мо - ре - нё - но - чка в во - ду бро - сили».

Исп.: Аксентьева Таисия Максимовна, 1896 г. р.. Зап. Нетребко О., Фролова С.,
 Наймарк, 04.07.70. Расш. Лобкова Г. В.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1898—1899 гг. А. В. Марков осуществляет поездки в районы Белого моря, в 1898—1900 гг. — А. Д. Григорьев в Поморье и на Пинегу.

² Великорусские песни в народной гармонизации / Зап. Е. Линевой. Вып. 2. Песни новгородские. СПб., 1909. С. II.

³ Великорусские песни в народной гармонизации / Зап. Е. Линевой. Вып. 1. СПб., 1904. С. XI.

⁴ Великорусские песни... Вып. 2. С. XLVII.

⁵ *Линева Е. Э.* Деревенские песни и певцы. Из поездки по Новгородской губернии: по уездам Череповецкому, Белозерскому и Кирилловскому // ЭО. 1903. № 1. С. 91.

⁶ Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. С. ХС.

⁷ Там же. С. ХСIII.

⁸ Там же. С. ХСIII.

⁹ За рамками настоящего исследования остается календарно-обрядовый напев святочно-рождественского «Виноградья», с которым исполнялся сюжет былины «Илья Муромец на Соколе-корабле», а также эпический напев былины «Идолище поганое», записанный неизвестным собирателем в 1903 г. в д. Серегово Яренского у. на р. Вымь (притоке р. Вычегды) — в крайней северо-восточной части бывшей Вологодской губ. (по своему географическому положению эта точка ближе к Сыктывкару, чем к Вологде). Относить к вологодским традициям этот напев, по-видимому, не целесообразно, поскольку по своим стилевым особенностям он в большей степени примыкает к мезенским и печорским. Об этом см.: *Лобкова Г. В.* Черты стиля эпических напевов Русского Севера (образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов и комментарии к ним) // *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. С. 439—443.

¹⁰ На современной административной карте эта слобода, возможно, соответствует с. Раменье, расположенному в юго-восточной оконечности Тарногского р-на.

¹¹ Важнейшей особенностью данной экспедиции является последовательный охват обширной территории: записи производились в пяти уездах Вологодской губ. (в 14 волостях); в пяти уездах Вятской губ. (в 8 волостях) и в пяти уездах Костромской губ. (в 6 волостях); всего было обследовано 37 населенных пунктов, из них 21 — в Вологодской, 10 — в Вятской и 6 — в Костромской губерниях. При этом производились записи всех, характеризующих местную традицию, жанров музыкального фольклора. Было записано 278 образцов текстов и 265 соответствующих им напевов. В это число вошли 10 духовных стихов, 1 былина, 7 коляд, 21 причитание, 49 свадебных песен, 64 хороводных и 126 протяжных. (См.: *Истомин Ф.* [Предисловие] // *Песни русского народа: Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Зап. Ф. М. Истомин, С. М. Ляпунов.* СПб., 1899. С. XI.

¹² Как отмечает Т. Г. Иванова, текст былины «Илья Муромец и царь Куркас» развивает известный сюжет «Илья Муромец и Калин-царь» (*Иванова Т. Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. С. 132). Вариант преломления данного сюжета весьма своеобразен: на уровне образно-поэтического содержания текста возникает сплав поздних привнесений и архаических традиционных поэтических формул.

¹³ *Истомин Ф.* [Предисловие]... С. XII.

¹⁴ Как отмечает исследователь музыкального эпоса А. Ю. Кастров, «обращение к эпическим напевам различных местных традиций Русского Севера позволяет рассматривать прием увеличения нормативной долготы произнесения последнего слога музыкально-поэтического периода в качестве универсального способа интерпункции, наиболее присущего напевам тирадной структуры (*Кастров А. Ю.* Вопросы структурной типологии олонечских нарративных напевов («вепсская мелострофа» и «рунический ритм»)) // РФ. СПб., 1993. Вып. 27: Межэтнические фольклорные связи. С. 116).

¹⁵ См., напр., напев П. И. Рябилина-Андреева (д. Гарницы Заонежского р-на – Сенная Губа) в сб.: *Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов.* М., 1981. С. 85. № 11 («Королевичи из Крякова»).

¹⁶ *Иванова Т. Г.* «Малые» очаги ...

¹⁷ Там же. С. 131.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926–1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 406.

²⁰ Анализ сходных образцов напева, зафиксированных на территории Олонечской губ., содержится в указанной выше статье: *Кастров А. Ю.* Вопросы структурной типологии...

²¹ См.: Эпические баллады и духовные стихи Обонежья... С. 406. А также: *Кастров А. Ю.* Вопросы структурной типологии... С. 119.

²² *Истомин Ф.* [Предисловие]... С. XI–XII.

²³ Сказки и песни Белозерского края... С. ХСІ.

²⁴ Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов записали 10 образцов духовных стихов, в том числе три духовных стиха в Тотемском уезде с сюжетами «Вознесение», «Лазарь» и непосредственно в слободе Раменской – «Алексей человек Божий».

